
Мой адрес - не дом и не улица...

Глава V

Ты у меня одна

В нашем роду все были однолюбам. Отец так любил маму, что не смог без нее жить и покинул этот мир через год после ее смерти.

Я с юности с трепетом относился к тому, что когда-нибудь у меня будет любимая Женщина, семья, дети... Обязательно мальчик и девочка. И сегодня, вслед за Марком Бернесом, могу спеть: «...Есть любовь у меня. Жизнь, ты знаешь, что это такое!». Спасибо тебе, жизнь, что и я знаю это!

В свои 20 лет я был очень застенчив и осторожен в случайных знакомствах. Надо отдать должное друзьям, которые с пониманием относились к моей личной жизни и были очень деликатны в разговорах на тему: «Пора бы уже девушку завести и о будущей семье начать думать». Прошли годы, да что годы — десятилетия... Теперь мы уже не только мужья и отцы, но и дедушки.

У каждого из нас есть семья, близкие и родные люди. Семья — это обязанность супругов друг перед другом и перед детьми. «Половину» свою ты добровольно выбираешь сам. Ты сам впрягаешься в эту упряжку и тащишь ее по жизни, тебя ведь никто не принуждал!

В последнее время очень многие известные артисты вместо батюшки в церкви исповедуются перед зрителями: рассказывают о семейных скандалах, неурядицах. Чуть ли не радость получают, живо описывая то, что, в общем, лучше скрыть и не делать предметом всеобщего обсуждения. Я не могу уважать таких людей. Они сами разрушают свой имидж, авторитет у зрителей и, наверное, даже не понимают, что, несмотря на внешнее благополучие, выглядят просто жалкими. Видимо, этого и добиваются, раз плачутся и ждут, чтобы их пожалели.

Для меня семья — мои дети и моя жена, мой дом. Семья — это святое, близкие люди, с которыми ты делишь и боль, и радость. И это главное направление твоей жизни в пространстве, именуемом Земля, — ты всегда должен стремиться домой, в семью. Это мое кредо, и я никогда не отступал от него. Я не великий моралист, но уверен: если ты совершаешь что-то не для всеобщего обозрения, то ни семья, ни ты сам, ни твоя жена страдать от этого не должны. Как избежать этих страданий, должен решать каждый по-своему.

Идея познакомить меня с артисткой балетного ансамбля Московского «Мюзик-холла» втемяшилась в голову моему другу Алику Тартаковскому не случайно. Он одно время работал в этом коллективе и утверждал, что именно там самые красивые девушки страны, которых отбирают по очень «жесткому» конкурсу.

Конечно, я хотел познакомиться с такой девушкой. Но эти мои «хотения» скорее были из области фантазии и мечты. Я же понимал, что в «Мюзик-холле», на концерты которого попасть было просто невозможно, работают девушки, привыкшие к роскоши, успеху, вниманию прессы и обожанию мужчин. Тем более, что Московский «Мюзик-холл» гастролировал с ошеломляющим успехом по всему земному шару. Когда Алик рисовал мне перспективы знакомства с балериной «Мюзик-холла», я, понимая нереальность такого альянса, неуверенно что-то бубнил

ему в ответ... Не то чтобы категорически отказывался, но соглашался неактивно.

Я никогда не грешил демонстрацией завышенных оценок своей персоны, а тогда мне и хвастаться-то было нечем. Кем я являлся на тот момент — застенчивым молодым человеком из провинции, прибывшим в Москву со своим единственным богатством — контрабасом. Чем мне было удивлять и покорять красавицу, с триумфом объехавшую мир? Сама судьба, видимо, не благословляла меня на этот подвиг: как тогда ни старался Алик Тартаковский, а все никак не получалось познакомить меня с девушкой — то наше трио где-то носило, а когда мы оказывались в Москве, «Мюзик-холл» улетал на гастроли.

Но все-таки это произошло 5 января 1965 года. И как раз тогда, когда мы откуда-то вернулись и сразу начали собираться с концертной бригадой за рубеж, на гастроли, организованные по линии Госконцерта и Министерства культуры СССР. Ранним утром мы должны были вылететь из Шереметьева во Вьетнам и Китай. А 5 января в Доме культуры «Трудовые резервы» мы выступали в концерте известной певицы Марии Лукач и ее мужа, композитора Владимира Рубашевского, который тогда являлся главным дирижером «Мюзик-холла».

И вот приходим мы на это выступление, и я узнаю, что балетный коллектив «Мюзик-холла» только что прилетел из Парижа. Я захожу в гримерку, а там сидят и пьют чай Маша Лукач и Люся, так звали девушку из ансамбля «Радуга», которая мне очень понравилась. Маша, конечно, нас тут же познакомила, и я поинтересовался у Люси, будет ли она на концерте? Мне очень хотелось, чтобы она осталась, но та сказала: «Нет, я рядом живу и пойду домой, после перелета очень устала». Я стал уговаривать ее: «Оставайтесь, пожалуйста, я вас потом провожу». «Куда? — удивилась Люся. — Я же рядом живу, в соседнем доме». «Тем более», — промямлил я.

Мне очень не хотелось, чтобы она уходила. Как же я обрадовался, когда после концерта увидел Люсю. Я был так благодарен ей, что она осталась, и что у меня появилась воз-

Мой адрес - не дом и не улица...

Люся и Юра. 1966 год

Юрий Маликов в составе инструментального трио. 1966 год

Юрий Маликов

возможность видеть ее и говорить с ней... тем более, что впереди высветилась перспектива проводить девушку домой.

Правда, после выступления я увидел ее в коридоре с каким-то жонглером и, естественно, сразу скис. Они так оживленно разговаривали, что я подумал: идиот, такая красивая девушка имеет кучу поклонников. Куда ты лезешь?

Но я полез, уж очень она мне понравилась. Не мог я не использовать тот единственный шанс, что мне давала судьба. Внутри у меня от волнения все «скукожилось», но я смело подошел к Люсе и спросил: «Можно я вас провожу?». Жонглер сразу куда-то испарился, а она посмотрела своими чистыми глазами, я даже не представлял, что у человека могут быть такие красивые глаза, и говорит: «Если вы так настаиваете... пойдете». И двинулась к выходу.

Я заметался, собираясь, и тут до меня дошло: дурак, я совсем забыл, что машины у меня нет, зато есть контрабас и ударная установка Миши Ковалевского. Трудно представить, как бы я выглядел, провожая Люсю в обнимку с контрабасом! Но тут опять на помощь пришел Алик Тартаковский, взявший на себя труд загрузить в такси мой нелегкий

Люся в балетном ансамбле. 1973 год

и дорогой груз. А я пошел провожать Люсю. Поздний вечер, мороз почти 30 градусов. Она в легкой шубке и элегантных ботиночках. Выглядела она так, будто сошла с обложки иностранного журнала — дама из Парижа! Провожать было недалеко, в соседний дом. Но 30 градусов — не шутка, моя спутница замерзла и торопилась домой. А я никак не мог ее отпустить! «Вы идите, оденьтесь потеплее и выходите, мы еще погуляем, — сказал я и подумал: «Надо бы еще глупее чего сморозить, но ведь некуда. Конечно, она сейчас уйдет!». Но Люся вдруг согласилась и ушла утепляться, а я остался ждать ее на морозе. Пальтишко на мне было, как говорится, на рыбьем меху, и, чтобы не дать дуба, я те 20 минут, что она отсутствовала, топтался на снегу и «вытоптал» имя Люся, хотя снега было много, почти мне до пояса. Так что я изрядно потрудился. Конечно, такое желание угодить даме не могло остаться незамеченным, и она милостиво согласилась погулять со мной еще полчаса, за которые я превратился в настоящего снежного человека. Но того, что я окоченел, конечно, Люсе не показал, и вел себя, как истинный джентльмен. Гуляли мы минут пятнадцать, а когда она направилась к дому, я сказал: «Можно я до лифта вас провожу?» — очень мне не хотелось с ней расставаться! «Лифта у нас нет, и завтра утром мы улетаем», — сообщила она. «Какое совпадение, мы тоже, — с гордостью проинформировал ее я. — Как только прилетим в Москву, я приду к вам на репетицию».

Наши гастроли продолжались три недели. Когда мы вернулись, «Мюзик-холл» еще был в поездке по городам и весям Украины. Потом я сильно заболел, и как раз в это время Люся прилетела в Москву. Мы не настолько близко были знакомы, чтобы я пригласил ее посидеть у койки заболевшего поклонника. И встреча опять не состоялась.

Увиделись мы с Люсей снова только через три месяца, в апреле 1965 года. Тогда я и признался ей, что влюблен «по уши». А у нее, надо сказать, было очень спокойное ко мне отношение, она даже никаких ответных слов после моего признания не произнесла. Я очень расстроился... В голове была только одна мысль: как мне жить без нее? А ей-то я совсем не нужен... А Люся, как бы почувствовав мое состоя-

Дворец бракосочетания. 1966 год

ние, ласково улыбнулась и вдруг дала мне свой телефон и сказала, что будет рада, если я приду к ней на репетицию.

Это была надежда! И я почувствовал, как жизнь возвращается, а с ней вместе и вера в то, что Люся будет со мной.

Вернувшись с гастролей, я приехал, вернее, прилетел на крыльях любви туда, где она репетировала, с букетом цветов и первым подарком — это было очень красивое кольцо с бирюзой. Я привез его из Китая, потратив на него все свои деньги и чувствуя себя необычайно счастливым, потому что это кольцо покупал для нее.

Она очень милостиво приняла подарок, видимо, к этому времени я уже перестал ей быть безразличен, но о любви с ее стороны пока речи не шло. Я понимал, что Люсе для этого не хватает информации обо мне, ей не хватает самого меня, и она, человек сдержанный и думающий (эти ее качества я уже тогда оценил) не могла довериться душой и сердцем человеку, которого еще очень мало знала. А чтобы узнать

Люся во Дворце бракосочетания. 1966 год, 9 октября

Мой адрес - не дом и не улица...

Дворец бракосочетания. 1966 год, 9 октября

друг друга лучше, у нас просто не было времени. У нее утром обязательно танцкласс, репетиции, вечером спектакли. Бесконечные гастроли по нашей стране, зарубежные поездки... То они улетают в Канаду, то во Францию, то в Швейцарию. Я даже не помню всех стран, где в то время побывал Московский «Мюзик-холл».

Я тоже все время был занят и тоже много ездил. Но, где бы я ни был, все время думал о ней, никакой другой женщины рядом с собой и представить не мог и не хотел. Она была моей мечтой, и это романтическое отношение к Люсе как к мечте и тогда, и все последующие годы помогало мне жить, творить и дарило душе чувство полета.

Потом, когда мы уже стали близкими людьми, Люся поделилась со мной своими переживаниями того времени. Ко мне она сразу почувствовала симпатию, но не более. Рядом с ней на сцене творили такие «короли», как Магомаев, Гуляев, Сличенко... Казалось, только такой мужчина-звезда может сделать женщину счастливой. Жизнь вокруг сверкала, звучала, гремела — Париж, аплодисменты, банкеты, приемы... И среди этой круговерти ей все чаще вспоминался я, хотя она тогда еще не сделала в отношении меня определенных выводов.

А я-то не представлял себя на земле без нее. Но, как выстроить совместную жизнь, я при всей моей влюбленности в Люсю не знал. Даже не представлял, что надо сделать, чтобы мы могли быть вместе. Знал, что ей надо работать, репетировать, танцевать, ездить на гастроли, которые могут продолжаться полгода. Но не мог себе представить, что она будет где-то далеко, и я очень долго ее не буду видеть. В то же время я понимал, что не смогу заставить ее стирать, гладить, варить борщ и сидеть дома. Она не для того пришла в этот мир и овладела одной из самых сложных и прекрасных профессий — искусством танца.

Как мне было тяжело! Мы продолжали встречаться, изредка ходили в кино, кафе-мороженое, пытались узнать друг друга. Как раз в это время я стал заниматься в консерватории, а это шесть часов в день, а иногда репетиции продолжались до 12 часов ночи. И в этот период Люся вдруг стала приезжать ко мне на репетиции и слушать, как я играю.

А потом я ее провожал, и это было замечательно: я держал Люсю за руку, слушал ее голос и мечтал, что когда-нибудь мне не надо будет возвращаться в свою комнатку со столом и жутко неудобным диваном, с которого я все время скатывался... Да и что говорить — у меня даже табуретки, не говоря о стуле, не было. Но зато была мечта, и я ждал, когда мы с Люсей вместе создадим свой дом. Так я мечтал целый год, а 9 октября 1966 года мы расписались и стали мужем и женой.

Люся жить в моей комнатке не согласилась, и мы переехали на Дербеневскую, где у ее отца Александра Васильевича была 18-метровая комната. Он был очень добрым и толерантным человеком. С Люсиной мамой они развелись, но дочь свою Александр Васильевич очень любил и уделял ей много внимания. В его комнате с телевизором и уютным диванчиком и началась наша совместная жизнь. Чтобы дать нам возможность побыть вдвоем, он нередко собирался и уходил гулять.

Дима Маликов. 1973 год

С детьми Димой и Инной. 1980 год

Это был необычайно светлый и счастливый период моей жизни! Как я благодарен судьбе за доброту и душевную щедрость людей, встречи с которыми она дарила мне в самые трудные переломные моменты моей жизни. Жених я был, конечно, незавидный. Бесквартирный, богатства никакого я в дом принести не мог... Зато у меня была машина — по тем временам огромная роскошь.

Я почему-то перед женитьбой решил, что привезти в ЗАГС невесту должен на собственной машине. Даже вспоминать страшно, какими ухищрениями мне удалось осуществить свой план. Но, главное, я достиг цели и со свадьбы вез любимую на своей машине. На нашем торжестве я немного выпил, замечательно себя чувствовал и, конечно же, по дороге домой меня остановили гаишники. Но и тут мне повезло: подержав в руках свидетельство о браке и посмотрев на мою молодую жену, они расчувствовались, и от Дома журналистов до «Павелецкой» нас сопровождал почетный

Семья. 1980 год

эскорт, а на прощанье сотрудники ГАИ сказали нам добрые слова и теплые пожелания.

В комнате Люсиного отца мы прожили три года. Он по-прежнему уходил гулять... и еще готовил потрясающие котлеты и очень вкусную жареную картошку. Никогда и ничего, что могло бы обидеть или огорчить кого-нибудь, в этой комнате не звучало и не происходило. Говорю же: невероятно везло на хороших людей! Судьба, ты меня слышишь? Спасибо тебе!

Потом мы купили квартиру в доме композиторов на Преображенке, где первые свои шаги делали наши дети. Все, кажется, хорошо складывалось, но жизнь продолжала испытывать меня на прочность, а вместе со мной доставалось и Люсе.

Когда родился Дима, у меня вдруг появилась перспектива 8 месяцев поработать в Японии, на той самой выставке «Экспо-70», о которой я уже рассказывал. Дима совсем крохотный, Люся от него не отходит... Она в тот период очень много пережила: во-первых, уход из балета стал для нее настоящей

Дима и Инна с любимым дедушкой Александром Васильевичем. 1979 год

трагедией, во-вторых, я в это сложное время вынужден был оставить ее и малыша на долгий срок. Бесконечно благодарен ей, что она с великим терпением пережила это событие, которое, кстати, резко повернуло всю нашу жизнь и открыло перед нами перспективы, о которых мы и не мечтали.

Скажи она тогда — нет! — и зарыдай, прижимая к груди младенца, я бы точно никуда не поехал, и не было бы тогда никаких «Самоцветов», стартующих из их рядов «звезд», не было бы и в моей душе такого великого чувства благодарности за понимание и помощь. Не было бы взлета... А сейчас я смело могу сказать: это она, Люся, дала старт очень многим моим творческим деяниям. И я, конечно же, благодарен ей за это.

Пожалуй, только сейчас, после долгой совместной жизни я, войдя в возраст мудрости, могу понять, как же ей было трудно провожать меня за рубеж в гастрольную поездку и встречать с пятнадцатью ящиками аппаратуры. Она-то

Инна с бабушкой Валентиной Феоктистовной. 2002 год

привыкла привозить из-за границы красивые вещи, драгоценности. А я, получив по тем временам огромные деньги – 2000 долларов (по сегодняшним меркам – почти 200 тыс. долларов) приволок оборудование для будущего ансамбля.

О планах создания своего коллектива я ей ничего не рассказывал. Не хотелось ее волновать. Она и так достаточно пережила, встречая меня в аэропорту с ящиками, набитыми «железками». Конечно, долго скрывать от нее свои творческие замыслы я не мог. Как можно скрыть крик, шум, музыку, вибрацию, нервную суету и людей с гитарами? Это все равно что, показывая на кипящий чайник, сказать: попейте холодной воды. Люся тогда нервничала и все время повторяла: «Зачем тебе это нужно? У тебя есть сын, есть я? Зачем ты все это придумал?». А я не мог уже остановиться...

Если честно, то ни о карьере, ни о славе, ни о завоевании каких-то позиций на эстраде, а уж тем более о заработках я не

думал. Просто мечтал о своем ансамбле, видел его и «слышал» уже тогда песни, которые потом были написаны... Я обрел единомышленников, и они верили мне, своему вожаку. И Люся почувствовала это, поняла, что остановить меня невозможно. Я был как скорый поезд, который мчался с невероятной силой. Конечно, можно было этот «поезд» заставить сойти с рельсов, но тогда произошла бы трагедия с жертвами.

Иногда я думаю, что, отдав всего себя делу, которое приобрело общественно-государственное творческое значение, я как человек, может быть, что-то потерял.

То время было спрессовано до предела: предложения, встречи, просмотры, репетиции, по 3 — 4 концерта в день, перелеты, переезды... Как меня только из дома не выгнали? Я посвятил себя ансамблю целиком. Я жил им, это была вторая осуществленная мечта — мое дело, а первой продолжала оставаться жена, семья.

В 1974 году я организовал при ВИА балетный ансамбль. С января 75-го года и по сей день Люся работает рядом со мной. Маленького Димочку воспитывала бабушка, мама Люси, Валентина Феокистовна. Надо сказать, что с тещей мне сильно повезло: она взвалила на себя все наши хозяйственные и бытовые проблемы, которые решала по-деловому и по-доброму. Никогда не забуду, что помимо забот о нашем быте она взвалила на себя и заботу о детях. И Димочку, и Инну растила Валентина Феокистовна, и за то, что они выросли такими добрыми и достойными людьми, мы с Люсей во многом обязаны ее маме. Она и Люсю воспитала как человека эмоционально сдержанного и умеющего уважать чужое мнение.

Когда Люся стала работать в «Самоцветах», она никогда на людях не давала мне советов, не претендовала ни на какие привилегии и никогда, повторяю, никогда, не вмешивалась ни в творческий, ни в хозяйственный процесс. Честно говоря, я с самого начала нашего семейного союза очень хотел, чтобы жена работала со мной в одном коллективе, но получилось это не сразу.

Благодаря помощи Валентины Феокистовны, в творческой деятельности у моей жены перерыва не было, а для

танцовщицы это значит очень много. Волей-неволей, сидя дома и ухаживая за малышом, потеряешь форму. Люся не хотела уходить со сцены и, обсудив ситуацию, мы нашли самое правильное решение, которое с помощью бабушки, то есть моей тещи, осуществили. Спасибо ей за великую помощь. За долгие годы совместной жизни мы с Люсей пришли к мирному и обоим нас устраивающему разрешению возникших вопросов. Конечно, и у нас бывают свои проблемы на разных жизненных этапах, но мы как-то с самого начала стремились во всех ситуациях понять друг друга и обязательно внимательно выслушать.

Люся всегда была для меня верной поддержкой, надежным другом и «валокордином». Я не шучу. Иногда в накал рабочих страстей я еле доволакивался до дома, бывало, срывался... Она успокаивала меня и лечила мои душевные раны. Сейчас я понимаю, что очень во многом по жизни был и не прав, и слишком категоричен. Если бы не моя терпеливая семья, на которую я слишком много взваливал своих неприятностей, если бы не доброта и любовь моих близких, все было бы во много раз тяжелее и больнее.

Не утверждаю, что мои близкие были уж очень счастливы оттого, что я чего-то добился. Скорее, эти радостные моменты соседствовали с достаточно ощутимым негативным оттенком.

Люся владеет даром быть всем нам нужной, учитывая взросление детей и увеличение нашей семьи. Я заметил, что груз ответственности и тяготы наших проблем в первую очередь концентрируются в диапазоне ее жизненного пространства. Я рассказываю ей о своих деловых соображениях, Инна и Дима делятся своими заботами, уверенные в том, что именно она найдет выход из любой ситуации, может разрешить любую проблему.

Конечно, иногда ей бывает тяжело, ведь вместе с радостями мы делимся с ней и нашей болью. А чтобы пережить боль близких, нужны силы, а сил иногда не хватает. Вот почему я сейчас стараюсь уберечь ее от нашего «благоприобретенного» негатива. И Дима, и Инна разделяют мою позицию. А проблемы мы решаем сообща — ведь мы всегда

вместе: Люся сейчас работает менеджером Дмитрия Маликова. Я считаю, Диме повезло: Людмила Михайловна — не только специалист, знающий эстрадное дело, но и человек, с которым приятно общаться и работать. Она всегда уважительно относится к людям — и к тем, с кем связана по роду своей деятельности, и к близким.

Это не значит, что мы с ней никогда не ссоримся. Ругаемся, и даже можем по несколько часов не разговаривать друг с другом. Но это все не серьезно — ни она, ни я никогда не стремимся обидеть или унижить друг друга: молчим-молчим, и вдруг кто-то говорит первое слово. Как радостно другой торопится сказать второе! Вот и все. Мы снова в мире, и нам есть, что сказать друг другу. Да и молчать нам вместе тоже несложно — мы же знаем, кто о чем молчит. О чем она молчит — пусть сама скажет, а я молчу о том, что:

*«Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Нет за туманами, гальными странами...
Ты у меня одна!»*